

СЧАСТЛИВАЯ

ТАК МОЖНО СКАЗАТЬ ОБ ОПЕРНОЙ ПЕВИЦЕ ТАТЬЯНЕ ДЖУМАНИЯЗОВОЙ

Как-то в одной из телевизионных передач народная артистка СССР Мария Биешу заметила, что вокалисту одна жизнь нужна, чтобы научиться пению, вторая — чтобы петь. Но двух жизней нам не дано...

ВЫ никогда не видели, как сверхпрочный минерал алмаз становится драгоценным камнем? Как под резцом мастера проступают чистейшие грани бриллианта голубой воды? И я тоже не видел. Но кажется мне, что постановка большого, данного человеку от природы голоса во многом напоминает рождение бриллианта.

По правде сказать, это сравнение возникло не сразу после первого знакомства, оно укрепилось потом — в результате последующих встреч с солисткой оперы Государственного академического Большого театра имени Адишера Навои Татьяной Джуманиязовой. Впрочем, обо всем по порядку.

Это было в Турткуле. Большая река с монотонным шумом катала свои желтые волны, а на пустынном берегу стояла маленькая девчонка и что было силы распевала арии, романсы, песни,

которые звучали по вечерам в черной тарелке репродуктора. Она повторяла услышанное.

У девчонки был сильный, красивый голос, абсолютный слух и какой-то врожденный артистизм. Здесь ее находила мама и... запрещала петь. Кто-то, а мать, в прошлом певица, «словавшая» голос, знала на своем горьком опыте, как трудно уберечь, не растратить этот драгоценный и хрупкий дар. Но мать умерла, и Танюшу определили в Ходжейлийский детдом. Здесь она сразу стала главной артисткой, лихо отплясывала барыню, играла даже чубатых запорожских казаков с огромными усами и, конечно, пела до... хрипоты.

Таня рассказывает о своем детдомовском периоде, а я думаю о том, сколько прекрасных людей — смелых и работающих, добрых и чутких встретила она в жизни. И в детдоме нашелся человек, наложивший решительное «вето» на Танино пение. Это был очень строгий с виду, а на самом деле добрейшей души человек — завуч Исаак Борисович Ратман.

— Прыгать, скакать —

сколько угодно. А петь, Танюша, повремени.

Мучительное ожидание своего часа продолжалось и в Нукусском музыкальном училище, куда Таня перешла из детдома на грани опаснейшего для будущей певицы возраста, когда из-за недосмотра или некомпетентности педагогов голос может сломаться вовсе. Не просмотрели, выдержали столь необходимую многолетнюю паузу. Сделали, вероятно, самое оптимальное, что и следовало сделать в этом возрасте. Взяли девчонку за руку и осторожно приблизили к безбрежному океану музыки, а затем ввели в глубинный мир бессмертных творений Бетховена и Чайковского, Баха и Глиньки, Верди, Доницетти и Шуберта. Они сделали еще больше, ее первые учителя: поселили в сердце мечту спеть арию Нормы из одноименной оперы Беллини. (Ее она споет на выпускном экзамене в Киевской консерватории). Исполнить партию Виолетты из оперы Верди «Травиата». (Она прозвучит в ее исполнении со сцены Большого театра им. Навои).

Спеть арию Людмилы из оперы Глиньки «Руслан и Людмила», с которой она выступит на «бис» в январе 1976 года в Тадимарджане, где живут инженеры, техники и рабочие, управляющие Каршинским машинным каналом.

Трудно писать о Тане, не забегая вперед. Но вспомните, что сказала о постановке голоса Мария Биешу... Таня Джуманиязова — бедовая девчонка. Ей не привыкать делать крутые повороты в своей жизни. С четвертого курса Ташкентской консерватории она махнула на... второй Киевской. И дело вовсе не в том, что в Ташкенте ей было плохо. Ее окружили заботой, вниманием, она до сих пор вспоминает с чувством глубокой благодарности своего ташкентского педагога Надежду Дмитриевну Исламову, но...

Киевская консерватория широко известна не только в стране, но и за границей своей прославленной школой, знаменитым классом профессора Марии Эдуардовны Донец-Тесээр, где ставят такие редкостные голоса, как лирико-колоратурное сопрано, которым Таню наделила природа.

Так Татьяна Джуманиязова стала первой девушкой из Узбекистана, поступившей в Киевскую консерваторию, успешно окончившей ее и вернувшейся домой, чтобы отдать людям то, что так бережно и кропотливо они хранили и растлили в ней.

Да, трудно писать о Тане, не забегая вперед. Так и хочется воскликнуть: добилась своего! Знакомые композиторы, музыканты, артисты говорили мне о кантленности (напевности) ее голоса, «бисерной» технике. Спеть Норму и Людмилу — значит взойти на вершину вокального Олимпа, так считают они. Только Таня не самообольщается. Как тяжело и порой мучительно взбираться на этот Олимп каждый день. Эти бесконечные репетиции у рояля и без него, дома — один на один с увесистым томом старинного клавира. Этот нескончаемый тренаж: утром и вечером, не менее пяти часов в день. Эти робкие пробы первых нот новых партий, о которых мечтала, к которым стремилась всем своим существом, а теперь боится. Как часто ее охватывает предательское чувство страха перед новой вершиной, которую предстоит взять.

Но эти вершины покоряются ей. Она спела Розину в «Севильском цирюльнике», Джильду — в «Риголетто», готовится к новой опере Ильаса Акбарова «Леопард из Согдианы», где исполнит ведущую партию. Она охотно выступает с шефскими концертами перед рабочими, колхозниками, воинами-туркестанцами. Ее концертный репертуар: арии Лючии из оперы Доницетти, королевы Маргариты из «Гугенотов» Мейербера, Царицы ночи из оперы Моцарта «Волшебная флейта».

В сопровождении камер-

ного оркестра Узбекского радио и телевидения под управлением Эльдара Азимова она как-то спела арию из 21-й кантаты Баха. Всем, кто сидел в этот вечер у экрана, понравились и голос, и манера исполнения. Но даже самый хороший телевизор с отличным качеством изображения и звука не заменит живого общения с артистом в зрительном зале. Наверное поэтому так запомнилось мне выступление Тани в Каршинской степи. Она пела тогда арию Людмилы...

Когда вслед за паузой, в которой медленно затихал последний, самый чистый и нежный звук ее голоса, обрушился шквал аплодисментов, она вышла к рампе: маленькая, улыбающаяся, с благодарными глазами, доверчивыми и открытыми. Мне кажется, что в эти минуты она испытывала величайшее чувство нерасторжимого братства со всеми этими людьми. Что ж, это вполне закономерно. Люди сделали ей много добра. Вот и она отвечает им добром.

Как хорошо сказала в тот вечер немолодая, видно, много поработавшая на своем веку женщина, делегат областной партийной конференции:

— Твой голос, дочка, снимает усталость лет. Он остается в сердце.

Таня улыбалась самой счастливой улыбкой.

А. ТАНХЕЛЬСОН.